

Причина такой секретности — кастинг, который проводил пан Ваида в театре на Чистых прудах. Через месяц он приступает здесь к постановке спектакля "Бесы". На начальном этапе проект финансово поддержало Министерство культуры. Все дни у режиссера были расписаны по одному сценарию: с утра его забирали "Мерседес" из гостиницы "Мариотт-Аврора", в театре он просматривал кассеты, отрывки, встречался с артистами. Короткий перерыв на обед... и смотрины продолжались. Наконец, вечерний спектакль (Ваида успел просмотреть четыре). После — обсуждение потенциальных кандидатов, споры, полная неясность...

Антракт — единственное время, когда пан Ваида успевает ответить на вопросы "МК".

— Пан Анджей, почему именно "Бесы"? Только ли потому, что этот спектакль вы уже дважды ставили — в Польше и в США? Не говоря уже о фильме.

— Было два предложения: либо делать "Преступление и наказание", либо "Бесов". Но Галина (Галина Волчек — худрук театра "Современник". — М.Р.) думает, что сегодня в этом театре с этими актерами нужно делать "Бесов". И для театра, и для актеров, и для репертуара это будет хорошо, считает она.

— Будете ли вы делать поправку на ситуацию в современной России?

— Нет. Я хочу сделать нормальное представление. Я никогда не делал Достоевского по-русски. Его образы заживут новой жизнью, потому что они будут говорить языком Достоевского. Я бы не стал делать третий раз такой же спектакль, если бы не это обстоятельство.

— Какие последние события мирового значения могут повлиять на вашу постановку? Например, терроризм, который, кажется, охватил весь мир.

— Достоевский все это видел раньше. Он был пророком. Он предвидел все те несчастья, свидетелями которых мы стали. Например, люди у Достоевского беспрестанно совершают самоубийства по идеологическим причинам. То, что сейчас происходит на Востоке.

Я хочу сказать, что когда делаешь Достоевского, не надо думать, что в этом году или в этом сезоне Достоевский уж как-то особенно соответствует ситуации. Я думаю, что он каждую минуту открывает перед нами то, что нас в самих себе беспокоит. Что-то, чего бы мы не хотели о себе знать.

— А что вас беспокоит?

— Это негативные моменты, которые делают невозможность создания нормального здорового сообщества. Я думаю, что Достоевский угадал, как будет трудно его создать. И как близко от идеологии к преступлению.

— Но кроме идеологии в "Бесах", как и во многих других романах Достоевского, есть другая линия, не менее важная — любви, мужчина—женщина...

Четыре дня в Москве работал всемирно известный кинорежиссер Анджей Ваида. Работа шла исключительно в закрытом режиме нон-стоп. Во всяком случае, к мастеру никого не допускали, да и сам он, похоже, не рвался на встречу с журналистами. Исключение он сделал для обозревателя "МК".

Анджей ВАИДА:
"Достоевский угадал, как близко от идеологии к преступлению"

— Все это есть в Достоевском. И он совсем не политический комментатор: показывает живых людей и как эти люди создают неудачное общество. Процесс, который лег в основу "Бесов" (я имею в виду убийство студента Иванова), был лишь одним из многих процессов того времени. Но писатель увидел, о чем говорят бесы. Вот Верховенский-младший говорит: "Если будет несколько тайных пятерок, мы завоеваем всю Россию". Достаточно несколько сильных десятков групп, которые знают, чего хотят, чтобы овладеть всем обществом. Там есть страшная фраза: "Повалится старая постройка. И на этих руинах мы построим дом из стали".

Достоевский у многих режиссеров вызывает образ апокалипсиса. И они стараются его срежиссировать и показать нам апокалипсис в театре или кино. Я думаю, неинтересно, что я думаю о Достоевском, важно, что Достоевский думает о мире, и это я хотел бы сделать.

Для этого нужно сделать спектакль, в котором судьба людей сложится в какую-то по-

весть. Это трудно — из огромного романа надо что-то выбрать, на что-то решиться. Я воспользовался инсценировкой Альбера Камю, но добавил многие вещи.

— Какие именно? У Камю, как известно, камерная история. От чего, например, вы отказались?

— Я лучше скажу, что я добавил. Я в самом начале дал исповедь Ставрогина. Постарался, чтобы темой спектакля была пятерка — как монтируется, как создается эта революционная организация. Второе — это роман об отцах и детях. И Варвара Петровна, и профессор Верховенский — это родители, а Ставрогин и Петр Верховенский — дети. И то, как эти дети подкладывают бомбу под родителей, — тоже тема. Они все чем-то недовольны, хотят перемен. И за каждым, кто им предложит перемены, они за тем и пойдут.

Я дал много диалогов. Как правильно говорит Бахтин: "Сознание героев Достоевского диалогизировано". Поэтому они должны много го-

ворить. И это позволит сделать спектакль понятным для зрителей. Нет никакой бытовой российской окраски. И нет того, что существует как стереотип представления о русской литературе. Это очень внимательно сделанный определенный вывод из романа.

— Современный театр по максимуму использует выразительные средства — спецэффекты, возможность света, звука, кино, даже цирка... Как в этом смысле будут строиться ваши "Бесы"?

— Я думаю, что это плохая дорога для театра. Традиции нашего европейского театра берут начало из античного — из Софокла, Еврипида. Слово должно вернуться в театр. Театр испугался телевидения и поэтому делает все, чтобы не отстать. Это не спасет его. Театр могут спасти только новые авторы. Я смотрю сегодня "Вишневый сад" и думаю: "Если бы кто-нибудь сегодня написал такую пьесу, то мы бы ее сделали".

— Значит, рассчитывать на визуальность не приходится?

— Тогда это будет повторение спектакля, который я сделал 30 лет назад. То было невероятно визуально, эксцентрично, экспрессивно. Сегодня этого уже не будет. Никаких проекций, никаких экранов, приемов, чтобы оживить саму инсценировку. Чего бояться? Того, что в зрительном зале сидят люди с пультами и листают действие, как программы на телевидении? Сознание режиссеров не верит, что зритель может над чем-то задуматься и соединить две-три сцены, вспомнить, что было вначале и что из этого вышло. Я вижу, что многие режиссеры воспринимают зал, как будто он набит детсадовцами.

— Я так понимаю, что главным в вашем спектакле будет актер.

— Так и было в Кракове.

— Каков принцип отбора актеров? Какие у вас требования?

— Здесь особая ситуация — я не знаю артистов, они не выросли вместе со мной, не снимались в моих фильмах. Я могу только за несколько дней оценить их. И видел их в разных ролях. Так, я видел Квашу одним, а в "Вишневом саде" увидел таким, каким прежде не знал. У меня большое доверие к Гале Волчек, мне кажется, что она так же, как и я, понимает актеров, одно и то же нам нравится. Вместе, я думаю, мы найдем решение.

— Должны ли ваши герои быть внешне похожими на героев Достоевского? Их портреты — хорошая подсказка.

— Да, это имеет какое-то значение, потому что портреты очень выразительно написаны, и возраст очень важен. Я надеюсь, найдем всех. Но решения еще пока нет. Я поеду в Варшаву, буду думать. Говорить еще рано.

— На ваш выбор может повлиять опыт актера, его положение в труппе?

— Нет, потому что я не знаю здесь никаких отношений. Это может повлиять только на режиссера — который является сам частью театра: он годами с ними работает, как я в Кракове. А тут я свободен.

— У меня последний вопрос. Вы не хотели бы пригласить в спектакль Галину Волчек?

— Это было бы замечательно. Но это зависит исключительно от ее здоровья. Она столько лет не играет, потому что не чувствует себя настолько здоровой, чтобы постоянно выходить на сцену. У меня нет уверенности, что я ее уговорю.

Анджей Ваида отбыл в Варшаву, оставив труппу в напряженном ожидании — кого же все-таки он выберет на главные роли. Пока же в театре висели приказом, что "Бесы" приняты к постановке. Режиссер — Анджей Ваида. Художник — Кристина Захватович. Судя по всему, проект будет дорогостоящим.

Марина РАЙКИНА.

P.S. Автор благодарит за помощь в работе киноведа Ирину Рубанову.

Галина Волчек,
Михаил Швайдай,
Кристина Захватович,
Анджей Ваида.

НИКОЛАЙ МЕЩЕРЯКОВ